

Я люблю тебя жизнь и Надежда...

(написано для тех, кто ещё не умер)

У каждого человека должна быть мечта.

В конце весны мы с женой поняли, что надо что-то менять в нашей жизни. Жизнь потеряла смысл и стала похожа на тягучий кисель, ни тебе острого, ни тебе сладкого, ни тебе проблем, а главное, исчезла мечта. Именно так, у нас исчезла цель жизни, всё что мы планировали свершилось и ничего нового, манящего и дразнящего на горизонте не осталось. Ребенок вырос и ушел жить к жене, родители умерли, карьера состоялась, дом полная чаша, а вот драйв исчез. Не осталось ни одной проблемы, с которыми человек борется всю свою жизнь в попытках от неё избавиться, а избавившись начинает бороться с новой ветряной мельницей.

В это момент я заявил:

- Жена, нам нужен проект. Желательно, грандиозный проект на несколько лет. Такой, что съест наше свободное время, такой, что возникнет притяжение волшебной мечты, такой, что цель будет манить своей недостижимостью, но при этом оставаться желанной до состояния сведенных от напряжения челюстей. Одним словом, нам нужны приключения на свою задницу.

- Ну и что ты предлагаешь? – спросила жена.

Надо сказать, что за тридцать лет совместной жизни жена всегда была за любой дебош, лишь бы все были целы и счастливы.

Немного поразмышляв, я ответил:

- Будем строить новую дачу...

Так всё и началось. Деньги потекли рекой в проект строительства дома. Мы переживали за каждый неверно вбитый гвоздь или плохо замешанный цемент. А уж проблем, поверьте мне, хватило бы на четверых. Через два года большой дом обрел стены, крышу, окна и манил нас желанием поскорее завершать строительство. Отделочные работы внутри дома сулили ещё несколько месяцев вожделенного процессного счастья творения, как все неожиданно завершилось.

Смена курса на девяносто градусов.

Локомотив врезался в бетонную стену. В один миг жизнь не то, что завершилась, она просто рассыпалась в прах, разбилась вдребезги, потеряла смысл и цитата:

«Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.» - приобрела осязаемый смысл. Вы же помните роман «Мастер и Маргарита»? Если помните, то поймете, о чем я говорю.

Жена со счастливым выражением лица шла по недостроенному дому, зацепилась ногой за лагу пола и упала. Мир повернулся на девяносто градусов. То, что до этого было перпендикулярно, стало соосно.

Криков было не так много, просто жена сжалась от боли и стала плакать.

Я перенес её на кровать и помчался искать мазь от ушибов и обезболивающее.

Человек странное существо, цель исчезла, а он продолжает бежать вперед, по инерции цепляется за свое счастье и свою мечту.

- Сильно ли у тебя болит?

- Очень.

- Что болит?

- Нога, рука и весь бок.

- Может это ушиб, вывих? Потерпи, лекарство подействует и все пройдет...

Мы терпели целую неделю, но лучше не стало.

- Отвези меня в травмопункт. – сказала жена.

- Хорошо, едем. - с чувством досады сказал я.

Впереди столько дел, а мы вынуждены отвлекаться на синяки и шишки.

Что-то тут у вас тёмненькое.

В машину мы залезли с большим трудом. Доковыляли до травмапункта, отсидели очередь и после рентгена получили ответ врача:

- У вас перелом коленной чашечки. Отломки немного смещены и вам необходимо лечь в больницу. Чашечку надо сшивать, так как она не срастется при таком смещении. А с рукой всё нормально, это ушиб.

Так произошел поворот в нашей жизни. Скорая доставила нас в больницу номер N, где мы провели четыре часа в приемном отделении среди бомжей, алкоголиков и интеллигентов, свезенных туда со всей Москвы. Вид приемного отделения выдержит не каждый человек. Представьте, по коридору бежит женщина-алкоголичка с окровавленной головой и требует, чтобы её отпустили домой, так как она не хочет оперироваться. Врач же её посылает матом далеко и надолго и та, подумав минут пять, действительно уходит. А затем, еще через двадцать минут, возвращается и требует продолжение осмотра.

Уже в приемном отделении нам накладывают на ногу гипс, размер которого превышает в полтора раза ногу жены и отправляют на рентген лопатки и плеча.

Рентгенолог произнес:

- Эээ, у вас тут затемнение в легких. Эээ, вам надо будет проконсультироваться в вашем отделении, что это такое. А у вас нет каких-либо заболеваний?

- Вроде нет. Мы ничем не бодем. А какие именно заболевания вы имеете ввиду?

- Туберкулез, например?

- Не, нет таких. Вот только нога.

- Ну хорошо, везите вашу жену в отделение. Держите снимки и карту.

В этом месте можно начинать ругать российскую медицину. Вы только представьте, муж катит каталку с первого этажа на седьмой, ищет и не находит врачей на этаже. А заспанная медсестра указывает на свободную кровать в шестиместной палате.

Далее я ищу простынки, утку и пару бутылок чистой воды. Жена размещается на специальной кровати и смотрит на меня, как на родителя, который собирается оставить её одну в этом «детском саду» или, точнее, «доме престарелых».

В палате еще пять женщин, которые не могут передвигаться. Пара старушек в памперсах, в бессознательном состоянии. Вид полубнаженных женских тел не доставляет удовольствия. Мозг говорит о том, что надо либо бежать, либо сжаться в комок и сказать себе: «Терпи».

Утром жена эмоционально рассказывает о том, как она училась пользоваться уткой. Первый вопрос: «Какой стороной её подсовывать?». Второй: «Как далеко задвигать?».

- Ты знаешь, я её подкладывала под себя, а бабушка, которая напротив, говорила мне правее или левее.

В глазах жены слезы.

Врач соизволил подойти к жене на следующий день. Пощупал ногу, посмотрел снимок ноги, легких и сказал.

- Нога сама срастется. А вот с легкими мы посмотрим.

- А что может быть не так с легкими?

- Тут есть затемнение. Это может быть, что угодно. Гематома, туберкулез, рак и т.д.

Слова врача плохо доходят до нашего сознания. Конечно гематома, мы же упали.

- Мы соберём анализы, сделаем томографию и там будет видно. – говорит врач.

Жена ждет, когда её выпишут из больницы. Она называет больницу филиалом Ада на Земле. Рассказы о буднях госпитального стационара вселяют в меня ужас.

- Вот та бабушка, которая у окна, постоянно спит. Её родственники платят местной медсестре по полторы тысячи рублей в день за уход. А медсестра ругается матом на бабушку за то, что та плохо открывает рот. Медсестра кормит её раз в день, и два раза в день меняет подгузник, при этом ей не важно, что после смены подгузника бабушка обкакалась и полдня лежала в дерьме. Вчера утром сделала укол бабушке неизвестного препарата, с тех пор она и спит.

- Не волнуйся, пусть спит. Главное нам с тобой поскорее пройти обследование и вернуться домой.

Томография затянулась на три дня. Причина? Санитары не хотели везти больную, так как они считали свою заработную плату оскорблением их достоинства. В пятницу я и один из санитаров отвезли жену на исследование. Пятнадцать минут ожидания в коридоре и всё, жену можно везти обратно. Врач-рентгенолог ничего комментировать не стал.

- Мы до завтра сделаем описание и вам ваш врач всё расскажет.

Я скажу вам по секрету...

В понедельник я был у жены. Мы писали в утку, протирались влажными салфетками, пытались шутить. В конце концов, мы освоили методы и приемы подтягивания на

перекладине над кроватью. В палате установились доброжелательные отношения среди лежачих больных. Жена выучила всех по именам и узнала, что у кого сломано.

В палату вошел седой, пожилой врач, спросил, кто я такой и сообщил нам следующее.

- На снимках видны метастазы в легких и костях. Судя по всему, это рак щитовидной железы. Вас ждет сложное лечение.

- Куда нам отправляться? Это единственное, что я мог произнести. Улыбка сползла с лица и упала на пол, мозг начал тормозить. Наши лица приобрели зеленоватый, гранитный оттенок.

- Рекомендую 62 больницу и Обнинск. Там хорошо работают с раком щитовидной железы. Вас ждет длительное лечение.

Жена выглядела так, будто не поняла сказанного врачом. Только стала серьезной. Мы молча смотрели друг на друга.

От больницы до своей машины я шел несколько минут. С каждым шагом отчаяние охватывало меня всё больше и больше. Голова стала свинцовой, а глаза налились слезами. Сев в машину, я расплакался.

- Почему это случилось с нами?

- Почему сейчас?

- Что теперь будет?

- Может ли это быть ошибкой?

Сложно управлять автомобилем, когда ты плачешь...

Сын сказал, что ему об этом сообщили ещё вчера.

- Я не хотел вас пугать. Дал вам еще один день жизни.

Мы стали обсуждать, что нам делать. Сын сообщил, что он успел изучить все, что написано в Интернете про рак щитовидки. Нам нужна операция по её удалению, а затем лечение радиоактивным йодом. Мы можем рассчитывать лет на десять.

- Папа, нам надо окружить маму любовью и заботой. Сделаем для неё всё возможное.

- Да, конечно.

Мы обсуждали, как и у кого будем лечить маму. Обсудили вопрос финансирования. Начали планировать последовательность действий.

Через день жену выписали. Хорошо, что жена худенькая, а я сильный. Её пришлось вносить в квартиру на руках. Никакие костыли не могли помочь жене, так как левая рука была настолько болезненной, что приподнималась вверх не более, чем на десять сантиметров. Область подмышек абсолютно не годилась для опоры на костыли.

Гипс на ноге, полная нетранспортабельность.

Жена уже будучи дома сказала:

- Хорошо, что я упала, Бог заставил нас обратиться к врачам. Если бы не падение, то как бы мы узнали про рак.

Бесплатная медицина горька, как бесплатный сыр.

В регистратуре районной поликлинике мне сказали, что понятия не имеют, что делать с женой и куда мне идти.

- Сходите в 101 кабинет, там можно вызвать терапевта на дом. Может он вам поможет.

В 101 кабинете мне ответили, что терапевт тут не причем и, подумав, посоветовали идти в районный онко-диспансер.

- Вы их телефончик в Интернете поищите, они где-то в районе метро Кантемировская находятся.

Рядом с медсестрой сидела грузная женщина, которая листала журнал записи вызова врача на дом. Как я понял – терапевт. Услышав от меня слова рак и метастазы, она вступила в разговор:

- Денег никому не платите, в вашем случае это бесполезно. Где вы раньше были, обследоваться периодически надо...

Другими словами, не взглянув в документы, не проведя обследования, не видя больного, нам сказали: «Пришло время помирать дуракам безалаберным».

Биопсия.

Хорошо, когда есть сто друзей. Нам сообщили целый список врачей, которые готовы за некоторое вознаграждение взяться за лечение жены.

Вечером зазвонил мой телефон. Телефон пел: «Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно...». Данная мелодия установлена на звонки сына, она соответствует только ему. Каждый раз, приезжая к нам, он говорит: «Я люблю вас, котики». Каких котиков он имеет ввиду не ясно, толи кошек, толи морских котиков.

По этой мелодии мы с женой понимаем, что звонит сын и бежим к телефону.

Сняв трубку, я получил указание где и во сколько быть. Сын повзрослел за несколько прошедших дней. Стал мужчиной и взял на себя основные хлопоты по поиску контактов, проведению переговоров с врачами и поиску методики лечения мамы.

Утром мы были у врача, которые лечит рак щитовидной железы радиоактивным йодом.

- Вам сначала надо вырезать щитовидку у любого хирурга, а только затем ко мне. – Сказал врач.

Пара тысяч перетекла в его карман, и мы с сыном отправились к хирургу-эндокринологу.

- Привозите маму, мы сделаем биопсию и ультразвук и если диагноз подтвердится, то я вам удалю щитовидку. – Сказал хирург-эндокринолог.

Еще пара тысяч перетекла в карман врача.

Человек привыкает ко всему, вот и мы свыклись с мыслью, что у нас рак щитовидной железы. Обычный рак щитовидки удаляется, затем идут курсы приема радиоактивного йода и можно рассчитывать на продолжительную жизнь даже при наличии метастазов в легких и на костях.

- Папа, это хорошо, что у нас рак щитовидки, это самый простой и менее злой рак из всех возможных вариантов.

Прошла неделя. Мы сидели в кабинете у хирурга. Неделю назад он делал жене ультразвуковое исследование и его первой реакцией была толи радость, толи азарт.

В тот раз, глядя на меня, он произнес:

- Точно, это оно самое. – Видимо он подразумевал рак щитовидной железы.

Только что хирургу принесли данные по биопсии.

Его руки разворачивали лист, на котором лаборатория напечатала заключение биопсии. Мы с ребенком замерли, превратились один большой орган слуха с вытаращенными глазами. Ситуация напоминала школу, когда учительница водила пальцем по журналу и говорила: «К доске пойдет...». Секунды превратились в часы.

- Левая доля щитовидной железы имеет признаки зоба. Права доля содержит признаки зоба. – Произносит хирург-эндокринолог. – Вы понимаете, что рак не обнаружен?

- Да. - тихо отвечаем мы.

- Вам надо искать источник рака. Ложитесь в онкологию. Только учтите, что биопсия иногда обманывает.

- А в вашей больнице могут провести исследование? – мы понимаем, что метастазы не растут сами по себе и должен быть их источник.

- Да, можно и в нашей больнице вас обследовать. Дайте мне снимки, я схожу к легочным хирургам, пусть они посмотрят на них.

Вернувшись через пятнадцать минут, наш врач произносит:

- Они готовы обследовать жену. Я показал снимки трем легочным хирургам, они сказали, что им не очень понятна картина, странные у вас метастазы, не типичные. Но в больнице есть достаточное количество методов исследования и вам поставят диагноз.

Мы взяли паузу для размышлений и отправились домой.

- Папа, если это не рак щитовидки, то всё совсем плохо, – сказал сын. – Рак легкого убьет маму за год. Рак груди за полгода – год.

Лицо ребенка стало ещё серьезнее и серее прежнего.

Странные люди – горюют, когда им говорят: «Рак не обнаружен». Мы горевали. Отсчет времени может идти на дни, а мы уже три недели, как живем с мыслью о смертельной болезни, но не знаем её источник.

Еще неделя ушла на то, чтобы, используя все связи и ресурсы и попасть в престижную онкологическую клинику Москвы.

За прошедшую неделю у нас появились телефоны людей, которые лечат рак: травами, интерфероном, молитвой, хитрыми аппаратиками с электротокком. Мы окунулись в мир бизнеса основанного на лечении рака. Когда нет надежды на выздоровление, люди цепляются за любую надежду, готовы верить даже в: «Литр мочи не рожавший верблюдицы надо смешать с двумя литрами молока верблюдицы, добавить туда...».

К нам домой пришел монах, исповедовал жену, причастил. Прочел молитвы. Дал благословление на операцию. Сказал:

- Верьте и надейтесь.

Надежда умирает последней.

Онкологическая клиника.

В вестибюле клиники была суета. Электронная очередь регистратуры периодически сообщала гражданам: «Пациент номер NN пройдите к окну номер NN».

В клинике я узнал, что такое квоты. Лечение можно провести за счет государства, но вот получение квот, это вопрос очередей, взяток и растроченного времени. У жены была страховка ДМС, которую вовремя оформил сын, так что нам минуя регистратуру в приемное отделение на госпитализацию.

Перед приемным отделением сидят насколько человек. Среди них девочка лет семи – под шапочкой угадывается лысая от химии голова. Рядом мама и папа, похожие на наседок.

Женщина лет двадцати пяти – глаза заплаканные, а в руках сумка с вещами и целлофановый пакет с яблоками и водой.

Еще два женщины предпенсионного возраста молча смотрят в стены.

Никто не стремится прорваться без очереди. Здесь одна очередь – очередь обреченных, очередь на тот свет.

Я иду по коридору хирургического отделения и понимаю, что все, кроме врачей, раковые больные. Я смотрю им в глаза и вижу абсолютно разные выражения. Кто-то выглядит так, будто зашел в кафе выпить чая с плюшкой, другая противоположность – обреченные на смерть, находятся в депрессивно-агрессивном состоянии.

Каждый третий, выходящий из клиники, плачет. Плачет за своих родственников, которые остались внутри на лечении или же от того, что ознакомились со своим собственным диагнозом.

Я удивлен тем, что не увидел в клинике много пожилых людей. У меня возникает мысль – их никто не лечит. Нет денег, нет квот, нет желания лечить. Зачем лечить старика, зачем тратить деньги государства на отсрочку его смерти. Можно подождать пару месяцев и потребуется только обезболивание наркотиками, недорого и без последствий.

За воротами клиники, как за железным занавесом. Мимо, по дороге идут люди. Жара, лето в разгаре, молодые девушки в шортах и прозрачных майках на голое тело проходят мимо, даже не догадываясь о том, что рядом трагедии и смерти. Молодые ребята несут пиво, курят и рассказывают анекдоты – они не понимают, что курение в три раза увеличивает вероятность приобретения рака легких.

На стоянке, возле моей машины, на полу валяется использованный презерватив. Жизнь продолжается. Потоки не пересекаются, в каком из них находитесь вы?

Чудо диагностики.

За две недели лежания в клинике нам провели пару десятков исследований. Жену засовывали в томографы, просвечивали ультразвуком, брали биопсии и анализы крови.

Все чудеса техники были сконцентрированы в одном десятиэтажном здании.

Лечащий врач, Ашот Гамлетович, вызывал у жены ощущение того, что она находится в руках настоящего профессионала. Разговаривая с ним, она чувствовала заинтересованность и участие.

Исследования показали, что все органы жены имеют свои проблемы. В обеих почках камни, киста в яичнике, киста в правой груди, метастазы в легких и печени, а главное, мы вернулись к версии, что причина в щитовидной железе.

Предварительный диагноз – медулярный рак щитовидной железы. На это указывал анализ крови. Кальцитонин – этот гормон, который выделяется только у больных медулярным раком. Дополнительными факторами за рак щитовидной железы говорили ультразвуковое исследование и накопление радиоактивного медицинского препарата в щитовидке. А как известно, он накапливается только в опухолях.

Сын меня утешает:

- Папа, год или два у нас есть. Этот рак не лечится, но его можно немного затормозить. Лекарства стоят триста тысяч в месяц, они нам продлят жизнь на год.

Надо сказать, что моя заработная плата составляет сто тысяч в месяц, а у сына еще меньше. Ребенок успокаивает меня:

- Мы продадим квартиру, нам денег от её продажи должно хватить на пару лет.

Из всех нас самая спокойная это жена. Я даже не понимаю, осознает ли она свой диагноз. Неужели люди так адаптируются или верят в чудеса? Жена читает Библию, смотрит по ТВ православный канал и просит соленых огурцов.

Жена принимает кальций в надежде, что перелом ноги срастется быстрее. Вчера врач сказал ей:

- У вас в крови очень повышен кальций, так что прекращайте его принимать.

Да уж, с кальцием мы перестарались.

Две недели прошло, и ситуация застопорилась.

- Доктор, скажите, чего мы ждем? – спросил сын Ашота Гамлетовича.

- Мы ждем анализ ИГХ.

- А когда он будет готов?

Ашот Гамлетович, мотивированный определенным денежным поощрением, звонит в лабораторию и узнает о датах. Затем сообщает:

- Врач, который исследует вашу биопсию и проводит ИГХ, ушел в отпуск. Будет через три недели.

- А тогда чего мы ждем? Может есть смысл ждать на в больнице, а дома?

- Можно и дома. Давайте мы вас выпишем. После подъедите и получите результаты ИГХ.

- Вы нам диагноз установили? – продолжает сын.

- Мы практически уверены, что у вас медулярный рак щитовидной железы, – говорит Ашот Гамлетович. – Только вот две предыдущие биопсии этого не показывают, нет окончательного подтверждения.

- Надо скорее вырезать щитовидку, раз вы практически уверены в диагнозе?!

- Эээ, нет. Во-первых, вырезать может быть уже поздно. Во-вторых, без окончательного диагноза мы резать не будем.

- А если мы вам заплатим за операцию, то вырежете?

- Ну..., технически конечно можем, это даже пойдет на пользу. Но без окончательного диагноза резать не будем.

Биопробу мы отнесли в другую клинику, где нам через десять дней сказали:

- Материал не информативен.

Миновало почти два месяца от даты первого снимка, на котором видны метастазы.

Подводим итог:

А) Мы лежим дома с метастазами и переломом ноги.

Б) Смертельный диагноз вроде как есть, но официально его вроде, как и нет, диагноз не подтвержден, биопсия не информативна.

В) Лечить и резать нас не хотят.

Г) Что делать далее неизвестно.

Говорила же жена: «Надо ехать за границу...». Но как туда поедешь без денег и со сломанной ногой? Мы же легли в суперклинику, в которой десять этажей напичканы под завязку дорогой, современной аппаратурой, и опытными врачами, а в регистратуре десятки больных ждут квот и умолят их взять на обследование или операцию.

Полное отчаяние и безысходность. Даже надежда покидает нас.

Сын.

Хорошо иметь взрослого и серьезного сына. Он сказал, что нам надо в Институт Эндокринологии, в нем разбираются в щитовидке. Он туда записался на прием к самому главному эндокринологу – члену Российской медицинской академии наук.

А еще, сын сказал, что медулярный рак передается по наследству. Два года назад ему говорили, что у него наблюдаются узлы в щитовидной железе.

Страх и депрессия накатывает на ребенка в полном объеме.

Кто читал «Декамерон», тот знает, что в средние века в Италии, во время чумы богатые люди устраивали оргии и веселились не в силах противостоять эпидемии.

Мы с женой едем на дачу на два дня.

Оба вечера у нас на веранде собираются друзья и соседи. Все поддерживают жену чем могут, кто солеными огурцами, кто шутками, а кто советами.

Странно ведут себя люди. Многие друзья перестали звонить жене – видимо, берегут свою ауру в чистоте. Другая же часть знакомых и дальних друзей, наоборот, стали ближе к нам. Соседка Оля сообщает, что её родная сестра болеет медулярным раком. Пять лет назад в Институте Эндокринологии ей вырезали щитовидку. И это при том, что пять биопсий не

показали ничего. Диагноз ей поставила Надежда Михайловна на основании анализов на кальцитонин.

- Идите к Надежде Михайловне, вот её телефон: 777-77-77. И проситесь к хирургу Белкину, он специалист по вырезанию медулярного рака. – говорит Оля.

Странно, все дороги действительно ведут в «Рим».

Саламандра. Дубль номер раз.

Лет десять назад у жены заболел левый бок. Боль была настолько выраженной, что она отправилась ко врачу. Вся семья смотрела на это, как на рутинный процесс и не придавала жалобам жены какое-либо значение. Однако, посещение врачей и процесс исследований занял пару недель. Жена даже проверилась в онко-клинике где ей сделали компьютерную томографию и поставили страшный диагноз – «предположительно рак желчного пузыря».

Но в отличие от сегодняшнего события жена утаила от семьи данный диагноз и легла в упоминаемую больницу N на операцию удаления желчного пузыря. В тот раз, перед тем как лечь, она сходила на исповедь в церковь, а затем заглянула к нотариусу и написала завещание.

Еще дня три её готовили к операции – брали анализы, делали ультразвуковое исследование и всячески советовали не переживать по поводу удаления желчного пузыря.

Накануне операции в хирургическое отделение больницы N зашел врач из какого-то там медицинского института. В больнице он появлялся время от времени и занимался тем, что для очередной своей диссертации собирал статистический материал, а именно, засовывал больным в пищевод эндоскопический аппарат и проводил исследование. Желчный пузырь, как я понимаю, находится за желудком. То есть, если эндоскопическую трубочку просунуть чуть дальше, то можно посмотреть и протоки желчного пузыря. Жена для него оказалась объектом исследования и статистики.

Вот что рассказала жена.

«Я лежу на боку, в меня засовывают шланг толщиной с палец. Кроме того, что меня тошнит, я боюсь задохнуться. Терплю. Через несколько секунд врач, фамилия врача Надеждин, начинает исполнять джигу. Джига, это кавказский танец. После чего произносит: «Вот оно!» и начинает просить у медсестры «Скальпель, спирт, огурец». Я надеюсь вы помните анекдот про хирурга? В реале он просил скальпель и захват. Его эндоскопический аппарат имеет в своей трубке каналы, в которые можно вводить различные инструменты и делать мини операции. Именно мини операцию он и выполнил. Оказалось, что в протоке желчного пузыря застрял камень. Камень закупорил протоку, поджелудочный сок перестал выходить и начались боли. С таким диагнозом надо резать в первые три дня после закупорки. Но это по Западным стандартам, а у нас больной может и три недели потерпеть, пока не помрет. Да и резать оказалось не надо, Надеждин чуть подрезал кромку протоки и захватом скинул камень в кишечник.

Но это не всё.

Вторую половину дня три хирурга больницы N внимательно читали описание операции, которую провел Надеждин, внимательно смотрели на ультразвуковой снимок и

компьютерную томограмму, решали, что делать далее. Один врач настаивал на операции, другой был против, а третьему, кажется, всё было по барабану.

- Уважаемая, - сказал, хирург, - камень вам удалили, но мы предлагаем вам все-таки вырезать желчный пузырь. Ультразвук показывает, что в нём есть взвесь, а это означает, что может образоваться еще один камень. Да и подготовили мы вас к операции, что ж теперь в следующий раз заново готовить?

Конечно жена охренела от такого спитча, взяла паузу на размышление и позвонила мне. Поговорив мы решили пузырь не вырезать. Всё своё ношу с собой. Раз уж он дан нам природой, то пусть будет.

Вот так у жены в календаре появился ещё один день рождения – день избавления от рака желчного пузыря.

Козья ножка.

Гипс сняли в соседней поликлинике. Контрольный снимок показал, что нога не срослась. Мало этого, в коленной чашечке обнаружено образование, которое идентифицировали, как метастаз.

Хирург смотрел на жену, как на живой труп.

- Вам надо к онкохирургу. Далее ходить с гипсом бесполезно. Ничем не могу помочь. Желая здоровья и удачи.

Как же мы рыдали...

Дубль номер два.

Выйдя из кабинета Надежды Михайловны, который располагается на восьмом, мансардном, этаже Института Эндокринологии, мы с сыном отправились вниз за анализом на кальцитонин. Надежда Михайловна сказала, что ей анализ заносить не надо, так как понятно, что он покажет. Уровень кальцитонина в крови больного медулярным раком щитовидной железы с метастазами должен исчисляться тысячами. Велено было не возвращаться к ней, а позвонить с первого этажа из лаборатории.

В лаборатории нам выдали три бумажки – три результата анализа, значения кальцитонина на нулевой, второй и пятой минуте под нагрузкой. Мы молча уставились в листочки с цифрами и обомлели. Значение кальцитонина было в норме. Такие значения бывают только у здорового человека.

Не веря своим глазам, я внимательно изучил листочки, еще раз сверил фамилию, дату и название анализа. Покрутил их в руках и произнес:

- Давай-ка мы эти результаты отнесем Надежде Михайловне.

Молча поднялись на восьмой этаж, молча зашли в кабинет. В кабине у Надежды Михайловны были коллега и один из посетителей. Также молча я протянул ей листочки с результатами. Взглянув на них, она всплеснула руками и выдала трехэтажную фразу по поводу того, что она думает о тех, кто ставил диагноз «медулярный рак». Только не подумайте, что она ругалась матом, её культура не позволила ей произносить непечатные слова, но речь была очень и очень эмоционально заряженной.

Вот тебе бабушка и Юрьев день!

Радоваться или горевать? В коридоре я произнес:

- Нет медулярного рака, это хорошо. Но есть метастазы, а это плохо. Ровно два месяца назад нам рекомендовали искать источник. Получается так что мы откатились на два месяца назад! Диагноза как не было, так и нет.

Сын кивнул головой.

– Ребенок, тогда откуда метастазы? Ты единственный на кого можно надеяться. Похоже, что ты знаешь про диагностику и проявления рака больше всех врачей из той онко-клиники где нас приговорили к смерти, - мрачно сказал я. – Рой землю, ищи!

К данному моменту сын прочитал сотни научных статей о раке на русском и английском языках. Я абсолютно уверен в том, что его знания в данном вопросе стали превышать знания Ашота Гамлетовича.

- Отец, это может быть только щитовидная железа, она накапливает радиопрепарат, это указано в одном из исследований которое нам сделали в онко-клинике. Рак в других органах маловероятен, лимфатические узлы везде в норме. Он точно в щитовидке.

Три дня от бездны до облаков.

В других проведенных анализах крови наблюдалось значительное повышение кальция и гигантское превышение паратгормона. Паратгормон вырабатывает паращитовидная железа. В норме паращитовидная железа имеет размер в 3-4 мм и располагается за щитовидной железой. Про неё не каждый врач знает. Паращитовидную железу обнаружили в пятидесятых годах прошлого века, когда проводили вскрытие носорога. Поражение паращитовидной железы приводит к вымыванию кальция из костей и, как следствие, к остеопорозу. Остеопороз – это переломы.

Утром Надежда Михайловна сказала:

- Срочно сделайте ультразвуковое исследование щитовидной и паращитовидной железы. Вам надо попасть к Афониной или Офицеровой.

В регистратуре ответили, что Афонина в отпуске, а у Офицеровой запись заполнена на два месяца вперед.

- Надежда Михайловна, записи нет. Говорю я ей по телефону.

- Завтра в девять вы с женой должны быть у кабинета Офицеровой, вам сделают ультразвук.

На следующее утро я вкатываю инвалидное кресло с женой в кабинет Офицеровой, укладываю её на кушетку и замираю в ожидании. Надежда Михайловна рядом.

Офицеровая прикладывает датчик к шее жены, пять секунд смотрит на экран и произносит:

- Аденома правого верхнего сегмента паращитовидной железы. Никаких сомнений. Диагноз - первичный гиперпаратериоз.

За дверью кабинета Надежда Михайловна говорит:

- Теперь на денсометрию в 308 кабинет, а затем идем к хирургам.

Выписка ультразвукового исследования щитовидной железы сообщает нам, что щитовидная содержит узелки, но на рак они не похожи.

Мы в кабинете денсометрии.

Денсометристка утешает нас:

- Гиперпаратериоз очень хорошее заболевание. Железу удаляют и через десять дней состояние больного резко улучшается. У вас камни в почках есть?

- Да, говорю я.

- А тошнота, рвота, потеря веса, слабость, запоры?

- Да, говорю я.

- Ну все сходится. Гиперпаратериоз и остеопороз, как следствие.

- Нога из-за этого не срослась?

- Нет, при остеопорозе кости срастаются, надо было сшивать.

Хирург убеждает меня, что надо делать операцию по удалению аденомы паращитовидной железы. Можно подумать, что мы против.

- Женщина молодая, - это он про мою жену, - ей еще жить и жить. После операции посмотрим, что именно вырезали, доброкачественную опухоль или злокачественную.

В моей голове возникает мысль «У нас, что может быть и не рак?»

- Надежда Михайловна, а метастазы? А они откуда?

- Про метастазы надо подумать. Метастазы ли это? При деструкции костей вокруг них возникают фиброзные сумки. Возможно, что это не метастазы.

Может молитва жены, исповедь и причастие подействовали? Может быть это обычное чудо, или испытание, которое нам посылает Бог?

Надежда возвращается в нашу жизнь. Но мы не торопимся пускать её в себя, очередного разочарования и очередного смертельного диагноза мы не перенесем.

Москва, 2015.

Часть II. После того как.

Или большое послесловие к рассказу «Я люблю тебя жизнь и Надежда...»

Жизнь как зебра, мы думаем, что проблемы в прошлом, а они возвращаются вновь и вновь.

Операция по удалению части щитовидной железы с аденомой паращитовидной прошла успешно. Разве что чуть не отвалились почки, но это уже другая история.

Хирург, внешне похожий на грустную лошадку, сказал сыну, что по внешнему виду опухоли это рак. А раз рак, то ловить нам нечего. После удаления опухоли паратгормон снизится, но только вырабатывать его будут метастазы, и разрушение организма продолжится. Аннушка все же разлила масло.

Микроскопическое исследование послеоперационного материала подтвердило рак.

Но с анализами как-то не задалось. Анализы показали, что паратгормон пришел в норму, как у здорового человека. После этого к жене приклеилось прозвище «уникум». Врачи в очередной раз разводили руками, говорили: «Вах» и «Да, уж», и пытались логически объяснить результаты анализов.

1 декабря. Самые точные результаты диагностики на предмет: «А были ли метастазы» дает вскрытие тела. Так как вскрытия мы не желали, нам сделали биопсию печени. Биопсия это такая приятная процедура, в которой: в белой при белой комнате, врач в белом при белом халате, трижды втыкает толстую, длинную, блестящую иглу в печень и извлекает из неё столбик ткани.

От страха жена так тряслась, что доктор стал её утешать:

- Не бойтесь, я сам боюсь, даже руки трясутся.

Получили ответ – раковые клетки не обнаружены. Врачи решили, что раз уж вместо метастазов они видят фрагменты печени с признаками фуа-гра, то, значит, не попали в метастаз. Надо повторить экзекуцию.

20 декабря. Повторную биопсию делают три светила практической онкологии. Для них дело чести попасть в метастаз.

Результат тот же. Врачи уверены, что попали и считают, что третий раз биопсию делать не надо. Однако в кулуарах ходили слухи, что просто закончились иглы. Обнадёживает то, что образования в печени за полгода не увеличились.

Самое странное и необычное, что в тот же день мне тоже делают биопсию, но в другой клинике. Из моей предстательной железы извлекли 17 столбиков биоматериала. Каждый столбик по сантиметру длиной. Предстательная железа превратилась в дуршлаг. После процедуры целый месяц моча содержала следы крови. Только вот ответ будет известен 11 января, тогда мне скажут у меня аденома злокачественная или доброкачественная. Врачи присоединились к традиции банкиров России гулять с 25 декабря и по 11 января. Сын нервничает.

30 декабря. Как в детских играх, где фишки каждый ход передвигают по клеткам и нам пришло время следующего хода. Мы занялись переломом ноги. Это с него всё началось полгода назад.

Жене делают: 1) МРТ колена, 2) КТ колена, 3) КТ грудной клетки (КТ – компьютерная томография, МРТ – магнитно-резонансная томография).

В тот же день врач дает заключение по МРТ - колено не срослось. Ох, опять получили чугунным рельсом по голове.

31 декабря. Провожая старый год, говорили, что он был крайне неудачным. Начался год со смерти близкого человека – тети Римы. Летом, пока мы боролись со своим смертельным диагнозом, умерла от рака соседка, ровесница жены. Закончился год смертью дяди Толи, мужа тети Римы. Может, уже хватит!

В голове крутятся слова из песни Высоцкого: «...пришел тягач, и там был трос и там был врач, и груз попал куда положено ему...». Придет ли тягач?

Президент поздравляет нас с экрана телевизора. Это не наша экономика разорвана клочья, это моя психика разорвана.

Жена верит в мистику. К нам в дачный дом весной залетали птицы. Пара птиц не смогла выбраться на улицу и погибла. Это примета трактуется как: «К смерти». Третья птица залетела в дом в конце лета, но я её успел поймать и выпустил.

11 января. Получаю заключение по биопсии предстательной железы. Читаю... Аденома доброкачественная. Вместо радости становлюсь похожим на спущенный воздушный шарик Винни Пуха, тот, который он подарил ослику Иа. Сажусь на подоконник и сижу на нем минут десять.

Вечером получаю результат КТ жены. Образования в легких не увеличились. Уже хорошо. Коленка срослась. Вот блин! Вот и пойми их. Человека засовываю в томографы стоимостью в миллионы долларов, в один день делают два исследования и получают диаметрально противоположные заключения. Это вина томографов или разруха в головах?

13 января. Сижу в пятичасовой очереди на прием к профессору хирургу-онкологу-ортопеду. Хочу узнать, что он скажет про колено и ребра жены.

В двух метрах от меня девушка тридцати пяти лет разговаривает с пожилой женщиной.

- Я из Крыма приехала, у меня диагностировали рак груди. Недавно прошла курс химиотерапии. Все волосы выпали, теперь заново растут.

Я скашиваю глаза и рассматриваю девушку. На голове густые, черные как смоль волосы, длиной в сантиметр.

Пожилая женщина спрашивает:

- А грудь отняли?

- Отняли, - отвечает девушка, - я по этому поводу очень переживала, а хирург сказал: «Не в сиськах главное». Я подумала и согласилась.

Профессор вывел на монитор результаты КТ. Уверенно заявил, что перелом у жены сросся. После этого потерял ко мне интерес.

- Все ваши кости целы, так что я помочь ни чем не могу. По поводу метастазов в легких, это не ко мне, идите к химиотерапевтам.

Я перевожу его слова как: «Вали, нафиг, отсюда со своей «занозой в заднице». Тут целая толпа настоящих онкобольных, которым может пару дней до смерти...»

Жена, узнав о том, что колено срослось, задумывается. Я вижу как в её голове табличка с надписью «R.I.P.» переворачивается и неоновыми огнями загорается надпись «Show must go on».

14 января. К жене заглянула подружка и сказала: «Весна близко». А позже добавила: «Надо думать о том, какую рассаду ты посадишь для своей дачи». Проект «Дача» становится опять актуальным?

15 декабря. Лежим в кровати с женой и болтаем.

- У тебя завтра День рождения, а я не знаю, что тебе подарить. Пятьдесят лет – это большой юбилей.

- Мне ничего не надо. – Отвечает жена. – Вы с сыном подарили мне жизнь. Я догадываюсь, сколько это стоило нервов, времени и денег.

Без подарка, как-то не по-людски, думаю я. Теперь уже мой мозг начинает перебирать варианты подарков. Эврика!

- А давай я подарю тебе костылики! – Говорю я жене. – Тебе уже не надо пользоваться подмышечными костылями. Куплю коротенькие локтевые костыли, привяжу на них бантик и подарю...

Почему-то глаза жены увлажняются? Почему? Через пару секунд она говорит: «Давай». Читательницам женского пола сообщаю – конечно, были и нормальные подарки.

Хочется завершить рассказ, но подмывает желание дать совет или напутствие.

Вчера к нам в гости зашел двоюродный племянник жены и сказал.

- Я прочитал твой старый рассказ, тот который ты написал десять лет назад, но не могу понять философского смысла. Что ты им хотел сообщить?

Надо же. В том рассказе всё ясно сказано, а молодежь не улавливает.

Для таких как он расшифровываю моё текущее послание:

Мы все, несомненно, умрем, но когда это случится никому не известно. Иногда врачи отмеряют срок, говоря, что Аннушка уже разлила масло. Но помните, в мире есть место Богу и чудесам! Приходит - нет, не тягач, а Надежда, сухими опилками засыпает масляное пятно, а затем аккуратно замечает их в совок. Всё – будущее изменено!

И еще, не в сиськах счастье.

☺

Москва, январь 2016.